

Память

1937 год. Снежная белая зима окутала деревеньку Рекоское за Вычегдой, на берегу Дурного поля в Пачеозерье. Ранним воскресным утром 13 декабря этого года большая семья Белых Ивана Селиверстовича уселась за стол завтракать, и вдруг шестилетняя дочь Маша громко крикнула: «Тятя, к нам приехали!». Вошли незваные строгие люди. В избе все перевернули, вытряхнули содержимое сундуков, а что искали, так никто и не узнал. Отца, Ивана Селиверстовича, под конвоем увезли в неизвестном направлении от всей семьи. Когда его арестовали, ему было 45 лет и работал он плотником в затоне Тулубьево.

ТЯЖЕЛЫМ временем для народа были 30-е годы — годы разрушения церквей. Это докатилось и до нашего Севера, до Пачеозерской церкви. Сбросили с колокольни колокола, но самым страшным для верующих было уничтожение икон — их сжигали. Иван Селиверстович выступал в защиту церкви, на сходках призывал сохранить все созданное народом, оставить для будущего все, как есть. Он был осужден 2 мая 1938 года за антисоветскую агитацию, клевету на политику советской власти и приговорен к 5 годам лишения свободы с поражением в правах на 3 года. Вся семья была объявлена врагами народа.

Поначалу его поместили в тюрьму, которая в то время находилась на берегу Вычегды, там, где ныне находится Лимендская лесобазы. Место для нас, малышей того времени, было ужасным — сплошной забор, вышки с часовыми. Старшая дочь Лидия жила уже в Лименде — это была моя мама. Каким-то неизвестным для нас путем она нашла связь с отцом, и мы делали для него передачи. Она иногда брала меня с собой (мне было 4 года), подвела к забору, где был проделан лаз, я пролезала, а дед меня встречал, брал сверток с едой, письма, гладил и целовал в голову. Эта картина встреч у меня осталась в памяти навсегда.

В 1940 году его увезли. Куда? Об этом мы узнали только 60 лет спустя. Старшие Лидия и Нина еще до его ареста жили своими семь-

ями в Лименде. 1941 год. Сын Павел добровольцем ушел на войну, в 1942 году погиб. Труднее пришлось самым младшим — Борису и Маше. Их не приняли в пионеры, они не могли стать комсомольцами, так как были детьми «врага народа». Но и тогда были люди, понимавшие, что никакие они не враги. Борис закончил ремесленное училище № 3, стал токарем, затем работал мастером механического цеха Лимендского завода. Бориса уже нет, но его имя осталось в памяти его бывших учеников. Бориса Ивановича Белых неоднократно отмечали за отлично выполненные работы, ведь в годы войны завод работал для фронта.

Самая младшая Маша, ныне Мария Ивановна Хохлова, проживающая на ул. Перевоз в маленьком частном домике, прошла тяжелый путь после ареста отца. Вместе с матерью Александрой Федоровной работала с 14 лет в колхозе, 18-летней девушкой пошла устраиваться на работу в Котлас. Вот тут вновь ощутила удары по «врагу народа» — ни на какую работу не брали. «Наконец я пришла в деревянное здание на берегу Северной Двины с табличкой «Почта», — вспоминает она. — Начальником почты был

Марнев Александр Степанович. Посмотрел он на меня, на документы, да и принял на работу. Тут и отработала 40 с лишним лет».

Всегда с большой любовью и благодарностью отзывается Мария Ивановна о своих друзьях, с которыми была вместе все эти годы, а особенно тепло об Александре Степано-

ЖИЛИ, СТРАДАЛИ, ВЕРИЛИ

виче. До сих пор бывшие и нынешние работники почты окружают ее заботой и теплом души своей.

От всей семьи Ивана Селиверстовича осталась одна она. У Марии Ивановны есть прекрасный сын Саша, внуки Машенька и Миша, учащиеся средней школы № 4. Теперь она живет спокойно, ведь, проделав большую, трудоемкую работу по установлению справедливости к отцу, нашла-таки правду. Вот она — документ № 13/814-92 о признании пострадавшим от политических репрессий. Белых Иван Селиверстович реабилитирован 9 июля 1992 года. Даны сведения: «Ваш отец Белых И. С. может быть захоронен в 2 км от села Семеновское Виноградовского района в северо-восточном направлении. Умер Белых И. С. 22.02.42 года». Документы оформлены Генеральной прокуратурой РФ.

Свое повествование хочу закончить в память об отце, дедушке, прадедушке И. С. Белых словами Виктора Боква: «Я ни разу, коммуна, тебя не проклял — ни у тачки с землей, ни у тяжкого молота. Непонятным наитием, сердцем я знал, что за грязью случайной не спрячется золото».

Л. ЗАДОРИНА.